

*Дедюшка — Куковеров
Михаил Александрович*

Увы, многие и многие люди утратили сущность труда, их девиз — «Жизнь — не плоха, хочется всего и сразу» или «Бери от жизни всё, что можешь». Поменьше работать и побольше нахапать.

И хапают, хапают, хапают.

По жизни я много встречал и хороших хозяев, и плохих, встречал я и никаких хозяев, которые вотще не разбираются в теме, а учат, как надо жить.

И всё-таки хороших было больше. Тем и живу!

Август 2016 г.

Случайно повернув голову в сторону, я заметил идущего по дорожке вдоль высокой каменной ограды старичка. Его согнувшаяся спина мелькала среди зарослей и надгробных памятников. Я закончил карандашный набросок и задумался над композицией. Не хотелось, чтобы на картине присутствовали кресты иobelisks, хотелось оставить только пруд и деревья, но чем заполнить оставшееся пространство? И тут я услышал за спиной тихое покашливание.

Старичок стоял, глядя то на меня, то на лист бумаги с наброском, и улыбался:

- С вашего позволения немного побуду в вашей компании.
- Пожалуйста, вы не мешаете.

Старичок действительно не вызывал у меня раздражения.

Вытянутое лицо, впалые щеки, мягкая улыбка. Старые брюки и стоптанные башмаки. Поношенный серый пиджак висел на худых плечах как на вешалке. Достав из сумки две банки, я сходил за водой к пруду и начал разводить краски.

— А вы, молодой человек, когда закончите, картину с собой заберете? — старичок подошел поближе.

- Да, конечно, — удивился его вопросу.
- А рисовать будете водой из банки?
- Что поделаешь, другой, к сожалению, нет.
- Нехорошо это, — понизив голос, тихо произнес старик. — Нельзя ничего забирать с кладбища домой. Опасно!
- Да это всего лишь вода!
- Это не просто вода, она здесь давно стоит. В ней много чего накопилось. Я бы вам рассказал один случай, если у вас есть желание послушать меня.

Его усталые глаза с надеждой смотрели на меня. Не хотелось обижать старого человека, и я согласился. Он откашлялся и присел на краешек гранитной плиты.

Рассказ Трифона Архиповича

Произошла эта история еще до войны. Я родился на Волге. Когда мне исполнилось четырнадцать, случился в наших краях неурожай, и наступил голод. Жуткий. Сколько людей померло, даже не представить сейчас. Вся моя семья вымерла, а мне повезло: пробрался на проходящую мимо баржу, добрался до Астрахани, где прожил почти два года. Там познакомился с двумя такими же беспризорниками. Одного звали Семен, другого Яшка. У первого кличка Трухлявый, у второго — Свинопас. Настоящих их фамилий я так и не узнал. Меня, кстати, Трифон зовут, Трифон Архипович, а тогда Тришкой кликали или Кафтаном, а иногда Прорехой. Это потому что у меня вся одежда в дырках была.

Жили мы тем, что удавалось украсть. Воровали то в порту, то в магазинах, то на базаре, но скоро нас заприметила милиция. Опасно стало. С таким промыслом можно было и в колонию загреметь. Голод как раз закончился.

Решили податься в N-скую область, где когда-то Яшка свиней пас. В общем, упросили капитана одного парохода, идущего вверх по Волге, взять нас матросами, а сами на второй или третий день удрали. И оказались мы в большой деревне или, как там, на юге, говорят, в селе. Домов много, а вот название сейчас и не вспомню. То ли Спасское, то ли Вознесенское. Дошли мы тогда до церкви, стали просить Христа ради, а тут староста: не хотите ли поработать? Деваться некуда — согласились.

Устроились у одинокой старушки поблизости. Мы ей — то дров наколем, то воды принесем. Днем ходили в церкви ограду ставить и крышу латать, совсем ветхая была, с революции не чинили. А по вечерам по чужим огородам лазили. Что делать, тогда такая жизнь была. Иначе могли не выжить. Да...

И вот как-то работаем у погоста, а там событие. Хоронят молодого хлопца, так по-ихнему говорят. Чего он помер, мы не знали, но был он

нам почти ровесник. Богатые похороны. Народу много, тетки плачут, а мы к смертям привычные, только про поминки и говорим промеж собой, да гроб обсуждаем и одежонку паренька этого.

— Живые, а в лохмотьях ходим, — говорит Яшка, а он в земле лежать во всем новеньком будет.

Свинопас у нас заводилой был. Росточка маленького, кучерявый, но бедовый. Тогда он, видно, сразу чего-то задумал, потому как сказал, что ему до бабки сбегать надо, и исчез. Не было его час, а может, и два. Уже этого хлопца отпели в церкви и в могилку опустили. Тут Яшка вернулся, довольный, аж светится. Короче, на поминки нас не взяли. Попили мы кипяток с сухарями да спать легли. Трухлявый — на лавке в сенях, а мы — в избе на полу. Вдруг среди ночи слышу: теребит меня за плечо Семен.

— Кафтан, проснись!

— Чего тебе? Дай поспать, завтра же работать.

— Да ты послушай!

А за оконцем ветер шумит, ветки в саду так и гнутся. И слышится чей-то голос, то ли плачет, то ли зовет кого-то.

— Спи, Трухлявый, — говорю, — мало ли кто по ночам бродит!

Лег Семен рядом. Прижался к спине, а у меня весь сон пропал. Вроде даже слова стал различать:

— Холодно... Ножки мерзнут... А-а-а...

Утром запели петухи, бабка заворочалась на печи, тут меня сон и сморил. Проснулся от того, что Трухлявый со Свинопасом о чем-то заспорил, а потом сказал:

— А ты у Прорехи спроси, он тоже слышал.

Яшка недоверчиво глянул на меня, и я признался, что полночи не спал из-за этого плача.

Ладно, поели картошки да стали собираться. Тут смотрим, а у Свинопаса почти совсем новенькие ботинки. «Откуда?» — спрашиваем. А он так уклончиво, дескать, у одного ротозея на пороге хаты стянул.

— Уж не вчера ли, когда к бабке бегал?

Помялся он и сказал, что как раз вчера. «Повезло ему», — решили мы и пошли на работу. Вернулись уже, когда темнеть начало. Кое-как поели, что было. По огородам решили сегодня не ходить. Устали очень. Посидели на крыльце, а как совсем стемнело, пошли спать. Только Семен решил рядом со мной улечься.

Бабка в углу молитвы прочитала, лампаду у икон затушила и на печь. Я почти сразу уснул, но спал недолго. Среди ночи меня разбудили. Трухлявый сидел на скамье и часто-часто крестился, шепча что-то. Раньше за ним такая набожность не замечалась. Свинопас стоял у оконца, уткнув нос в стекло. Светила луна, и было видно, как качалась калитка.

«Кто же ее открыл? Ведь Трухлявый клал засов. И почему качается? Ветра же нет!» — не успел так подумать, как внезапно поднялся ветер.

— Давно не спите? — спросил Яшку.

— А ты что, не слышал? По стеклу кто-то скреб, а потом в дверь стучали.

— И кто же это был?

— Не знаю. Хотел выйти, а Трухлявый не дал. Говорит, «нечистая» это.

— Пойдем вместе глянем!

Но тут ветром как хлопнет калитку! Мы замерли, а потом тихий такой стук в дверь. Свинопас давай разжигать фитиль. Раньше он с одного удара запаливал, а тут бьет кресалом по кремню, а все никак. Снова этот плач за окном начался:

— А-а-а... Холодно-о-о... Но-ожки-и ме-ерзну-т...

Трухлявый аж затрясся:

— Бабку будите! Она молитвы знает!

Наконец Яшка запалил трут, зажег свечу, и мы прокрались в сени. Поставили огонь на скамью, а сами к двери. Приоткрыли. Смотрим. Никого нет! Только вроде как белое облачко вдоль стены плывет. Мы дверь на засов и в дом. А там бабка уже ругается. Легли спать, только сна не было. Всю ночь за окном свистел ветер, да брякала калитка.

Поутру, злые и сонные, пошли умываться к колодцу и столкнулись во дворе с бабкой. Она снова давай нас ругать, мол, по ночам не спим, а шастаем где попало, калитка на ночь открытая осталась. Тут Трухлявый не выдержал и все ей рассказал. Бабка перестала нас шпынять, а серьезно так говорит:

— Эх, ребятки! К кому-то из вас покойник ходит! Вы, может, чего на кладбище натворили? Чью-то могилку потревожили? Признавайтесь пока не поздно!

— Нет, Матрена Ивановна! Как можно! Мы Бога боимся.

— Смотрите, он ведь не успокоится, пока своего не добьется.

Позавтракали и пошли к церкви столбы для ограды тесать. Глядим, а на могилке того хлопца, которого давеча хоронили, крест покосился. Трухлявый опять затрясся, но это ему свойственно, Трухлявый он и есть трухлявый. Однако и у нас все из рук валилось. Не шла работа, и все тут.

Вечером ели молчком. Все боялись наступления ночи, но признаться в этом никто не хотел. Сидели на лавке у окна и шептались о том, что будет. Бабка молитвы прочла и нам кричит:

— Идите каяться, грешники.

Мы с Яшкой молчим, а Трухлявый к иконам пошел. Молился, молился, а потом чего-то у бабки выпытывал. Свет погасили, и почти сразу началось! Сначала поднялся ветер, прямо ураган! Яблони в саду чуть не до земли клонились, плетень шатался, калитка снова настужь. Мы креститься давай, а молитвы-то не знаем! Что делать? Тут стук в дверь начался и плач этот: «А-а-а...». У меня мурашки по коже, во рту пересохло. «Яшка, — кричу, — что делать?» А он в ответ: «Ты слышишь?»

Раздался страшный скрип. Входная дверь открылась! Бабка с печи слезла и кричит: «Свят! Свят! Свят!» Яшка скамьей дверь в сени припи-

рает, Трухлявый в угол забился, а меня словно парализовало, стою как столб. Тут бабка кричит:

— А ну, богохульники, быстро признавайтесь, кто согрешил, а не то смерть вам идет.

— Это я, — услышали мы голос Свинопаса. Это я у покойника «колеса» его, ботинки то есть, стянул...

— Ах ты, Ирод безмозглый! Быстро кидай их за порог! Да поживей!

Яшка и рад бы, да выйти в сени боится. Тут Трухлявый выскочил из угла, хватая ботинки и к окну (там одна стекляшка вынималась) и выталкивает «колеса» наружу. Бабка нам подзатыльники раздает, за уши треплет, и откуда у нее столько злости нашлось?! Потом снова к иконам и давай вслух «Отче наш» да «Богородицу».

Через некоторое время ветер стал стихать, а потом совсем утих. Мы легли спать, а наутро смотрим — в сенях все перевернуто, дверь настежь, а ботинки исчезли! Вот такая была история. Хотите верьте, хотите нет.

— А что было дальше?

— Дальше неинтересно. Уехали в Москву на зиму. Через год Свинопаса посадили. Чемодан стянул на вокзале, но не справился, силенок не хватило, догнали... Потом Трухлявый умер от аппендицита.

Старичок встал с гранита, намереваясь покинуть меня:

— Пойду я, а то наговорил вам всяких страстей. Прощевайте, молодой человек.

В начале рассказа я наносил краски на бумагу, но ближе к концу заслушался и сложил кисточки. После ухода старичка долго размышлял над его словами, не зная, как к ним относиться. Как к глупому суеверию? Как нездоровым фантазиям старого человека или как к правде жизни? Во всяком случае, решил сегодня работу не продолжать. Время вышло, солнце склонилось низко, на кладбище потемнело. Вылил воду обратно, а незаконченный рисунок убрал в папку. Жалко было выбрасывать: уж очень удачно получился полумрак вокруг пруда.

Проходя мимо собора, поймал себя на мысли, что я, как и молодые друзья Трифона Архиповича, не знаю молитв, в церковь не хожу. А если случится что-нибудь? Ну и что? Я же не малограмотный беспризорник! Если бы да кабы...

Сам справлюсь!